

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-3-48-54>

Правовой анализ субъектного состава договора суррогатного материнства в свете изменений федерального закона

С. В. Корнакова

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Байкальского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Е. В. Чигрина

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Байкальского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: chigrinaev@bgu.ru

Е. Л. Полетаева

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Байкальского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: katrinko@mail.ru

Legal Analysis of the Subject Matter of the Surrogacy Contract in the Light of Changes in the Federal Law

S. V. Kornakova

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the State
and Law History Department of Baikal State University.
Address: Baikal State University,
11 Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.
E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

E. V. Chigrina

PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the State
and Law History Department of Baikal State University.
Address: Baikal State University,
11 Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.
E-mail: chigrinaev@bgu.ru

E. L. Poletaeva

Senior Lecturer of the State and Law History Department of Baikal State University.
Address: Baikal State University,
11 Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.
E-mail: katrinko@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается продолжающий оставаться дискуссионным в науке гражданского права вопрос о субъектном составе договора суррогатного материнства. В этом отношении дана правовая оценка вне-

сенным федеральным законодательством изменениям, касающимся требований к участникам такого договора. В процессе исследования использованы общенаучные методы теоретического анализа, обобщения и систематизации научных данных и судебной практики. На основании теоретического анализа обновившихся правовых предписаний федерального законодательства о суррогатном материнстве выявлены позитивные и негативные аспекты их применения на практике. Сделан вывод о том, что если изменения законодательства, отдающие приоритет в заключении договора о суррогатном материнстве лицам, состоящим в браке, и закрепившие запрет на его заключение иностранным гражданам, безусловно, следует отнести к положительным явлениям, то в отношении такого возможного участника договора суррогатного материнства, как одинокий мужчина, этого сказать нельзя. По мнению авторов, лишать одиноких мужчин как возможности создать семью, так и возможности продолжения рода явно несправедливо. Имеющиеся на практике случаи обращения одиноких мужчин к услугам вспомогательных репродуктивных технологий следует не игнорировать, а тщательно регламентировать для минимизации судебных споров по этому поводу, которые, исходя из анализа судебной практики, разрешаются в пользу одинокого отца.

Ключевые слова: гражданское право, семейное право, семья, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатная мать, субъектный состав договора о суррогатном материнстве, потенциальные родители, генетические родители, супруги как единый субъект договора, одинокая женщина, одинокий мужчина, одинокий отец.

Abstract

The article considers the issue of the subject matter of the surrogacy contract, which continues to be debatable in the science of civil law. In this regard, a legal assessment of the amendments introduced by federal legislation concerning the requirements for the parties to such a contract is given. In the course of the research, general scientific methods of theoretical analysis, generalization and systematization of scientific data and judicial practice were used. Based on the theoretical analysis of the updated legal regulations of the federal legislation on surrogacy, positive and negative aspects of their application in practice are revealed. It is concluded that the changes in legislation giving priority to the conclusion of a surrogacy agreement to married people and securing a ban on its conclusion to foreign citizens, of course, should be attributed to positive phenomena, which is not the same with respect to such a possible participant in the surrogacy agreement as a single man. According to the authors, it is clearly unfair to exclude single men from both the possibility of starting a family and the possibility of procreation. In practice, the cases of single men applying to the services of auxiliary reproductive technologies should not be ignored, but carefully regulated to minimize litigation on this issue, which, based on the analysis of judicial practice, are resolved in favor of a single father.

Keywords: civil law, family law, family, assisted reproductive technologies, surrogate mother, subject matter of the surrogacy contract, potential parents, genetic parents, spouses as a single subject of the contract, single woman, single man, single father.

В настоящее время на страницах юридической печати все чаще появляются публикации, касающиеся вопросов законодательного регулирования суррогатного материнства, получивших наименование «рынок репродуктивных услуг». Интерес к данной теме неумолимо растет еще и в связи с тем, что нормы законодательства, касающиеся оказания таких услуг, несовершенно и вызывают жесткую критику ученых.

Следствием такой критики, полагаем, и стало внесение ряда изменений в регулирование правового института суррогатного материнства. В частности, 19 декабря 2022 г. были внесены изменения в статью 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской

Федерации»¹. В понятие вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) было внесено суррогатное материнство, которое представляет собой один из методов лечения бесплодия. Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского для нее эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения (далее – генетическая мать

¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

и генетический отец), либо одинокой женщиной (далее – генетическая мать).

Как справедливо отмечает Ю. В. Виниченко, требования в праве имеют характер императивности, и предписываемые ими «проявление свойств или совершение действий ожидаются категорически» [4. – С. 53]. В связи с этим небезполезно проанализировать изменившиеся законодательные требования к возможности применения ВРТ, а также выразить свое отношение к ним, в особенности к обоснованности и правомерности такой категоричности в ряде случаев.

Прежде всего изменениями, внесенными указанным правовым актом, был сокращен круг лиц, которые могут заключать договоры о суррогатном материнстве, т. е. изменения коснулись требований к субъектному составу таких договоров.

Во-первых, ранее к процедуре суррогатного материнства могли прибегнуть любые лица, независимо от имеющих у них заболеваний или патологий. Достаточно было желания заключить договор и нежелания (неважно, по каким причинам) вынашивать беременность. В настоящий же момент законодательно исключена возможность применения метода суррогатного материнства к женщинам, которые могут выносить плод самостоятельно. Беременность является тяжелой нагрузкой на организм женщины, поэтому ВРТ не должны быть ориентированы на лиц, способных самостоятельно зачать ребенка, но не желающих этого делать. Теперь применение метода ВРТ возможно только по медицинским показаниям, таким как отсутствие матки, патология матки с невозможностью лечения, заболевания внутренней полости матки, отсутствие беременности после повторных попыток переноса эмбрионов (от 3 попыток при переносе эмбрионов хорошего качества) и привычный выкидыш, не связанный с генетической патологией¹. Полагаем указанное ограничение правомерным и обоснованным тем, что ВРТ являются крайней мерой лечения бесплодия и должны так позиционироваться.

¹ См.: Приказ Минздрава России № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» от 31 июля 2020 г. (зарегистрировано в Минюсте России 19 октября 2020 г., № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Согласно Приказу Минздрава № 803н, установлен закрытый перечень заболеваний и патологий, при наличии которых возможно применение процедуры суррогатного материнства. Таким образом, субъектом договора суррогатного материнства со стороны заказчика может быть только женщина (одинокая) с наличием медицинских показаний, либо супруги, состоящие в браке, где у женщины имеются показания, предусмотренные приказом Минздрава, с учетом того, что эти лица – граждане России. Если же воспользоваться услугами суррогатной матери имеют намерение иностранные граждане, то подтверждение факта заключения их брака с гражданином России – категоричное требование.

Ограничения для иностранцев обусловлены прежде всего демографической политикой государства, поскольку при использовании суррогатной матери, выносившей ребенка в России, происходит отток населения, при котором ребенок будет являться иностранным гражданином по договору, хотя по рождению он гражданин России. Кроме того, дальнейшая судьба ребенка, гражданина России, за ее пределами будет неизвестна, а потому не исключена вероятность использования его в качестве товара, примеры чего, к сожалению, имеются.

В некоторых государствах введен запрет на процедуры суррогатного материнства, либо такие методы не применяются, либо невозможно найти достойную суррогатную мать, либо такие способы очень дорогостоящие. Соответственно, воспользоваться услугами суррогатной матери в Российской Федерации для иностранцев очень выгодно и не связано с предусмотренной законодательством их стран жесткой ответственностью. Относительная дешевизна и отсутствие законодательных ограничений уже сделали Россию одним из центров так называемого «репродуктивного туризма»². Такую имевшую место тенденцию, безусловно, следует оценивать негативно.

Кроме этого, новеллой в регулировании института суррогатного материнства является то, что закон говорит о заключении такого договора именно супругами как единым субъектом права,

² См.: Пояснительная записка Комитета Государственной Думы по охране здоровья к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета суррогатного материнства». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/133590-7>

поскольку они (супруги) одновременно выступают стороной договора как единое целое. Но в гражданском праве отсутствует такой единый субъект как супруги, а есть физические лица, юридические лица и публично-правовые образования. В иных отраслях права также легально такой «субъект» не закреплен. Тем не менее некоторые авторы считают, что, несмотря на отсутствие в праве такого субъекта, супруги могут выступать как одно лицо, т. е. выражать единую волю относительно предмета договора и его условий [6. – С. 326; 8. – С. 16].

Так, И. А. Покровский указывал, что еще в Древнем Риме семья, т. е. круг лиц в совокупности с супругами и другими членами семьи под властью домовладыки, представлялась своеобразной системой монархической власти. Во всех правоотношениях, в том числе с государством, домовладыка представлял свою волю, которая приравнивалась к воле всей семьи (каждого из членов семьи), так как кроме него никто не признавался субъектом права. Иначе говоря, во времена Древнего Рима правосубъектность семьи выступала в лице домовладыки [7. – С. 147], так как он действовал и в своих интересах, и в интересах членов всей семьи.

В процессе развития права параллельно развивался институт субъектов права. В современном российском праве нет единого определения семьи, к тому же разные отрасли права дают различные определения членам семьи и разный состав лиц, допустимых для включения в категорию «семья». В семейном праве – это дети, родители, супруги. В жилищном праве – это лица, проживающие совместно, в наследственном – это родственники и свойственники. Из данных представлений следует, что под каждое определение семьи имеется свой вид правоотношений, в которых обозначается соответствующий круг членов семьи, способных вступать в эти правоотношения. Таким образом, рассматривать семью как целое и в качестве единого субъекта в правоотношениях сомнительно, но, полагаем, исключением могут быть супруги. Супруги способны выражать единую волю в вопросах физического, нравственного воспитания и образования детей, распоряжения общим совместным имуществом, выборе места жительства и пребывания, а также иных прав.

Так, например, в наследственном праве изменения коснулись понятия «единый завещатель», которыми в настоящее время допускается со-

ставление совместного завещания супругов. В совместном завещании участвуют два разных гражданина, два самостоятельных субъекта права [7. – С. 147]. Согласно правилу, совершающие совместное завещание супруги (созавещатели) приравнены без каких-либо исключений к завещателю. В отличие от обычного завещания одного завещателя совместное завещание совершается «гражданами, состоящими между собой в момент его совершения в браке» (абзац 1 пункта 4 статьи 1118 ГК РФ¹), т. е. двумя лицами – мужем и женой. Наследственный договор тоже может быть заключен супругами как «наследодателем» (пункт 5 статьи 1140.1 ГК РФ²), т. е. как единым субъектом.

Таким образом, заказчиком в договоре суррогатного материнства может выступать либо одинокая женщина (генетическая мать), либо супруги как единый субъект. Исключено заключение договора одиноким мужчиной и лицами, не состоящими в браке, лицами одного пола, а также исключительно иностранными гражданами.

В связи с комментируемыми нововведениями положение одиноких мужчин изменилось не в лучшую сторону. На первый взгляд, использование метода суррогатного материнства одиноким мужчиной противоречит изначальной сути данного приема – это все же материнство, а не отцовство. Заложенная законодателем цель – материнство. Исключение мужчин из состава заказчиков не ограничивает их права на реализацию отцовства, а возможность стать родителем предусмотрена иными способами – усыновление (удочерение), опека и т. д.

Согласно Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года³, решение задачи по развитию жизнеохранительной функции семьи и созданию условий для обеспечения здоровья ее членов включает в себя и расширение объемов лечения бесплодия с применением вспомогательных ре-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) № 146-ФЗ от 26 ноября 2001 г. (ред. от 14 апреля 2023 г.) // Российская газета. – 2001. – № 233.

² Там же.

³ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» от 25 августа 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.

продуктивных технологий. Отметим отсутствие в указанном документе положений о равенстве одиноких мужчин и женщин в отношении доступа к ВРТ. Напротив, этот документ устанавливает приоритет традиционных семейных ценностей, основанных на браке (союзе мужчины и женщины, зарегистрированном в установленном законом порядке и создаваемом в целях образования семьи, рождения детей, их воспитания (или только воспитания) и основанном на заботе, уважении). При этом, как подчеркивают В. В. Богдан и М. Н. Урда, использование ВРТ – это метод борьбы с болезнью (бесплодием), а не способ разрешать социальные проблемы одиночества [5. – С. 655].

Укажем, что закон и ранее не содержал положения о возможности одиноких мужчин пользоваться услугами ВРТ, что, исходя из буквального его толкования, также являлось запретом для их применения одинокими мужчинами. Тем не менее случаи обращения одиноких мужчин к услугам суррогатной матери имеются, но вследствие такого неявно выраженного запрета регистрация новорожденного ребенка в органах ЗАГС одиноким мужчиной превращалась в серьезную проблему, которая могла быть разрешена только в судебном порядке. Между тем суды, защищая права и интересы такого ребенка, вменяли органам ЗАГС его регистрацию в обязанность¹. Более того, из тех же соображений судами подтверждается и право одинокого мужчины, являющегося отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, на материнский капитал².

При этом обратим внимание, что запрет, установленный законодателем для одинокого мужчины в отношении получения ребенка в семью, многим исследователям этого вопроса все же не вполне ясен [9. – С. 106]. Представляется, что такой запрет, кроме защиты прав ребенка, все же ущемляет права одинокого родителя – отца, и это в корне противоречит основам сбалансированного государственного управления. В частности, одной из наиболее часто озвучиваемых в

интернет-пространстве причин такого запрета является исключение возможности появления детей в моносексуальных парах. Но, во-первых, почему тогда такой же запрет не распространяется на одиноких женщин, у которых наличие такого союза также исключить нельзя? И, во-вторых, полагаем, что превентивные функции государства должны реализоваться иначе, а не исключительно посредством запрета, который в нашем случае категоричным являться не должен.

Между тем, согласно части 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации, «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации», а исходя из содержания конституционной нормы пункта «ж» части 1 статьи 72, в ведении Российской Федерации находится не только защита материнства, но и отцовства. Неполная семья – все же семья, поэтому лишать одиноких мужчин как возможности создать такую семью, так и возможности продолжения рода явно несправедливо. В частности, в одном из судебных решений, вынесенных в пользу заявителя, последний по рекомендации врачей воспользовался услугами суррогатной матери и донора ооцитов именно ввиду отсутствия у него спутницы жизни. Суррогатное материнство оказалось для него единственным шансом иметь собственных, генетически родных ему детей³. Полагаем, что указанный случай не может быть сведен к единичному, и подобные ему могут иметь место в дальнейшем, поскольку право на продолжение рода – естественное, неотъемлемое право человека. Так не разумнее ли будет не запрещать одиноким мужчинам обращаться к услугам ВРТ, а взвешенно продумать способы законодательной регламентации таких ситуаций, поскольку, во-первых, разумность должна быть ценностной ориентацией законодателя [3. – С. 41], а во-вторых, правовое регулирование в наиболее обобщенном виде и заключается именно в упорядочении имеющихся и прогнозируемых общественных отношений [2. – С. 176].

Противоположной стороной договора о суррогатном материнстве является суррогатная мать. Требования к женщине, претендующей на статус

¹ См.: Решение Дзержинского районного суда (г. Санкт-Петербург) № 2-980/2020 2-980/2020 ~ М-740/2020 М-740/2020 от 8 апреля 2020 г. по делу № 2-980/2020/. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8LeGc3YT3IZV/>

² См.: Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2-8966/20 от 18 ноября 2018 г. – URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/37463658>

³ См.: Решение Дзержинского районного суда (г. Санкт-Петербург) № 2-980/2020 2-980/2020 ~ М-740/2020 М-740/2020 от 8 апреля 2020 г. по делу № 2-980/2020/. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8LeGc3YT3IZV/>

суррогатной матери, жестко определены законодательством, находящимся в межотраслевой зависимости (гражданское, семейное, медицинское, административное право) [1. – С. 655] и устанавливающим ограничения по возрасту (от 20 до 35 лет), наличию детей (не менее одного здорового собственного ребенка), состоянию здоровья (подтвержденному медицинским заключением). Следовательно, у медицинской организации, осуществляющей сопровождение по применению технологии суррогатного материнства, должны быть: документы, подтверждающие возраст суррогатной матери (как правило, паспорт); свидетельство о рождении ребенка, а также сведения из медицинского учреждения, подтверждающие, что данный ребенок был рожден ею самостоятельно или при помощи кесарева сечения; медицинское заключение о состоянии здоровья; письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. Дополнительными обязательными медицинскими документами для суррогатной матери являются справка из психоневрологического и наркологического диспансеров (пункт 74 Приказа № 803н).

Требования к суррогатной матери также уточнены изменениями, внесенными в закон. Это может быть женщина в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, имеющая гражданство Российской Федерации, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья, давшая письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. Женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга. Суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки.

В этой связи укажем, что критикуемым в научных кругах изменением стал запрет на донорское суррогатное материнство. Ранее закон позволял использовать донорский материал – сперму или яйцеклетку (частичное), либо только донорский материал (полное суррогатное материнство). Вместе с тем, как отмечается учеными, чаще всего проблема заказчиков заключается не в вынашивании и рождении, а именно в бесплодии, т. е. в непригодном генетическом материале обоих или одного из членов семьи. Поэтому, по их мнению, принимая данную норму, законодатель

перекроет путь к материнству для многих пар навсегда [9. – С. 106].

Следующие ограничения в субъектном составе участников договора коснулись возраста заказчика и исполнителя. На наш взгляд, в связи с этим нельзя согласиться с мнением, которое высказывают Я. Я. Кайль и В. А. Усанова, об ограничении предельного возраста потенциальных родителей, предлагающими ограничить возможность заключения договора суррогатного материнства пенсионным возрастом. Авторы считают, что, исходя из данных критериев и требований действующего законодательства к родителям, обязанным растить, обучать, воспитывать, содержать детей до 18 лет, вполне логичным было бы установление предельного возраста для потенциальных родителей, использующих репродуктивные технологии по формуле «пенсионный возраст минус 18». Соответственно, для женщины предельный возраст должен составлять 42 года (60 – 18), для мужчины – 47 лет (65 – 18) [5. – С. 18].

Между тем, согласно Постановлению пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, одним из принципов свободы договора является возможность заключать любой договор¹. Поэтому, как представляется, предлагаемый цитируемыми авторами критерий ограничит не только свободу договора, но и конституционные гарантии прав и свобод человека (статьи 17, 18 Конституции Российской Федерации), а также гарантии их равенства (часть 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации), защита которых обеспечивается государством (статья 45 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, проведенный анализ претерпевших изменения нормативных документов, регламентирующих в настоящее время услуги ВРТ, позволяет сделать следующие выводы.

Договор суррогатного материнства может быть заключен потенциальными родителями – супругами либо только потенциальной матерью с суррогатной матерью при наличии определенных обстоятельств. При этом положительными моментами являются, во-первых, ограничение возможности заключения договора суррогатного ма-

¹ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 «О свободе договора и ее пределах» от 4 марта 2014 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 5.

теринства лицами, не имеющими медицинских противопоказаний.

Во-вторых, заключение договора супругами позволяет надеяться, что ребенок будет жить и воспитываться в семье, а не у лиц, продвигающих нетрадиционные ценности. Поэтому, безусловно, приоритет в заключении договора о суррогатном материнстве должен отдаваться лицам, состоящим в браке, поскольку это в большей степени соответствует интересам ребенка, и государство заинтересованно в рождении ребенка в полной семье.

В-третьих, запрет суррогатного материнства для иностранных граждан вполне обоснован, так

как государство не может осуществлять контроль и гарантировать защиту ребенка на территории другого государства.

Вместе с тем полагаем, что следует разрешить на законодательном уровне одинокому мужчине пользоваться услугами суррогатных матерей и регистрироваться в качестве отцов, поскольку если на практике такие случаи имеются, их следует не игнорировать, а тщательно регламентировать для минимизации судебных споров по этому поводу, которые, кстати, всегда разрешаются в пользу ребенка, а значит, и в пользу одинокого отца.

Список литературы

1. Богдан В. В., Урда М. Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 4. – С. 628–657.
2. Виниченко Ю. В. К вопросу о разумности в контексте проблемы индивидуального правового регулирования // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 6. – С. 175–178.
3. Виниченко Ю. В. Разумность как оценочное понятие права // Академический юридический журнал. – 2011. – № 4 (46). – С. 39–44.
4. Виниченко Ю. В. Требования в праве (общетеоретический аспект) // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2010. – № 6. – С. 53.
5. Кайль Я. Я., Усанова В. А. Острые вопросы суррогатного материнства, требующие правового регулирования // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 5. – С. 17–20.
6. Маковский А. Л. О праве, применимом к совместным завещаниям и к наследственному договору // Кодификация российского частного права 2019. – М. : Статут, 2019. – С. 322–329.
7. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград : Право, 1917.
8. Сауткина Е. А. Супруги как единый субъект права в контексте реализации их способности к правопреемству посредством совместного завещания супругов // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 2. – С. 15–17.
9. Чембура В. А. Родить нельзя купить, или чем вредны изменения законодательства о суррогатном материнстве? // Научный Лидер. – 2023. – № 17 (115). – С. 105–107.